

МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ С ПОСТСОВЕТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ В КОНЦЕ XX в.

Ангелина Сергеевна ВАЩУК,
доктор исторических наук

Изучение миграционных связей Дальнего Востока России со странами «нового» зарубежья Центральноазиатского и Закавказского регионов относится к малоизвестным и неизученным аспектам в истории миграционных процессов. Появившееся в 90-е годы XX в. «поле напряженности» вокруг этнических мигрантов из этих регионов, рассеянных по всей стране, к сожалению, не ослабевает. Слово сочетание «лица кавказской национальности», часто мелькавшее в средствах массовой информации, с в 1994 г. было признано Судебной палатой по информационным спорам при Президенте Российской Федерации некорректным и неэтичным¹. Однако публично дискредитированный термин и сегодня довольно часто встречается на бытовом уровне в различных вариантах, например «кавказцы», порой к ним причисляются и этнические мигранты из Центральной Азии. Мы не ставим задачи проанализировать антикавказские или антиазиатские настроения среди населения Дальнего Востока, считая, что эта тема требует специального исследования. Историк прежде всего должен изучить масштабы, этнический состав, характер миграций, занятость мигрантов из «нового» зарубежья на рынке труда, чтобы выяснить объективные основания для возникновения соответствующей реакции на приток мигрантов. Исследование миграционных связей имеет научное значение (анализ условий проявления толерантности, причин смены национального состава населения региона и пр.) и важно для прогноза развития межгосударственных отношений России с «новым» зарубежьем. Дальний Восток превратился в территорию этнокультурных контактов, на которой мигранты из «нового» и «традиционного» зарубежья хотели найти свою «социально-экономическую» нишу.

За последнее время историография пополнилась многими научными публикациями, в которых исследуются вопросы трудовой миграции из Китая, реже из Северной Кореи в восточных регионах России. Можно даже говорить о некотором исследовательском и публицистическом «буме». На фоне пристального внимания к «восточникам» изучение миграционных связей Дальнего Востока с «новым» зарубежьем, особенно со странами Центральной Азии и Закавказья, оказалось на втором плане. Безусловно, на это имеются вполне известные причины: большая географическая отдаленность, более позднее появление нерусскоязычного населения из указанных регионов российско-советского территориального пространства, ярко выраженная

культурно-бытовая дистанция между этническими выходцами и дальневосточниками. Как известно, основная масса населения прибывала из российских районов и Украины, а также формировалась за счет межобластного обмена, в котором значительную долю составляли потомки бывших переселенцев.

Исследователи советского периода, изучая миграцию в контексте формирования трудовых ресурсов, акцентировали внимание на тех потоках, которые имели преимущество в миграционном обмене. Однако в истории важны как «большие», так и «малые» события, позволяющие понять и объяснить современность. Следует отметить, что на историко-познавательную сторону проблемы влияли и другие обстоятельства. Так, ученые из бывших советских республик не интересовались судьбой своих соотечественников и земляков, перебравшихся в разное время на восточную окраину некогда единой страны. Нельзя сказать, что на современном этапе данная историографическая тенденция преодолена, чаще всего эта тема — сюжеты для журналистских публикаций.

Среди предшественников, обративших особое внимание на рассматриваемые аспекты, следует отметить иркутского ученого В.И. Дятлова², внесшего большой вклад в методологию изучения проблемы и воссоздания исторической картины миграций в восточных районах России. Необходимо отметить достижения отечественных социологов³, этнологов⁴, ученых из Центра Карнеги Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской и многих других, труды которых оказали большое влияние на разработку данной проблематики.

В XX в., вплоть до конца 80-х годов, наблюдалась высокая миграционная активность населения внутри советского государства, сопровождавшаяся мощным движением переселенцев на восток, и были лишь краткие периоды эмиграции, связанные с последствиями революции 1917 г. и гражданской войны. Фактически до 90-х годов зарубежная иммиграция отсутствовала.

После распада СССР в 1991 г. среди политиков, в экспертном сообществе и публицистике стихийно возникла терминология «ближнее» и «дальнее зарубежье». В сложившейся пространственной структуре Дальний Восток, особенно в контексте изучения миграций, оказался в весьма парадоксальном отношении. В 90-е годы в дальневосточный регион России начали активно прибывать граждане из Китая, Северной Кореи, т. е. из традиционного зарубежья, граничащего с Дальним Востоком. В то же время приезжавших из бывших советских республик, расположенных за тысячи километров от Дальнего Востока, трудно назвать мигрантами из «ближнего» зарубежья. В этом случае корректно оперировать терминами «новое» зарубежье, что отражает не только географическо-пространственную ситуацию, но и всю новизну социально-политических реалий на постсоветском пространстве.

Понять характер, особенности, сущность современных миграционных связей Дальнего Востока со странами «нового» зарубежья без исторического экскурса невозможно, но объем статьи позволяет говорить лишь об отдельных исторических фрагментах. Например, первые сведения о присутствии армян на Дальнем Востоке относятся к концу XIX в. Историки располагают данными об армянах, проживавших в 1897 г. в Приморье (15 чел. — все мужчины, из них во Владивостоке — 11 чел., в Уссурийске — 4 чел.). На то время армяно-григорианская община была самой малочисленной из христианских конфессиональных групп. В 1914 г. на юге Приморья проживали уже 414 чел. — приверженцев армяно-григорианской церкви⁵. Еще более скудная информация о появлении азербайджанцев на Дальнем Востоке до 1917 г. Как предполагают некоторые авторы: «...Азербайджанцы служили солдатами и офицерами в разных регионах страны, в том числе и на Дальнем Востоке»⁶.

Что касается довоенного и послевоенного времени, то статистические сведения о переселенцах, прибывших в Приморье⁷, и выводы других исследователей* свидетельствуют, что в этот период миграционные связи юга Дальнего Востока с республиками Средней Азии, Казахстана и Закавказья были незначительны. Большинство армян, азербайджанцев, казахов, узбеков попадали на Дальний Восток во время службы в рядах Советской Армии. Найдя этот край привлекательным, благоприятным для жизни они, закончив службу устраивались на работу и оставались здесь на долгие годы.

Миграционный поток на Дальний Восток из рассматриваемых регионов — республик бывшего СССР — резко возрос в конце 50-х — в 80-е годы. Политика хозяйственного освоения Дальнего Востока осуществлялась за счет многих экстенсивных факторов, в том числе и организационно-мобилизационных форм на «советском рынке труда». Для того времени были типичны общественно-политические призывы поехать на новостройку и работать в отраслях, имеющих важное государственное значение. В 1956 г. по такому призыву в Приморье приехала молодежь из Грузинской ССР на строительство судоремонтного завода в пос. Большой Камень. На возведение промышленных объектов Владивостока наряду с рабочими из Москвы прибыла молодежь и из Армянской ССР⁸. Можно сказать, что, несмотря на все идеологическое оформление, это были трудовые советские мигранты.

После депортации в конце 30-х годов советских корейцев в Среднюю Азию и Казахстан, во второй половине 50-х — начале 80-х годов наблюдалась первая волна возвращения их на «малую» родину. Хотя известны факты, что первые советские корейцы, после насильственного выселения, на Дальнем Востоке появились в 1948 г., но это была принудительная форма переселения. Учителя начальных классов (39 чел.), тщательно подобранные органами власти, направлялись на работу в Хабаровский край и на Камчатку**. Это событие было связано непосредственно с привлечением северокорейских рабочих в рыбную промышленность. Для обучения их русскому языку, в том числе и детей, направлялись учителя из числа советских корейцев⁹.

После смерти Сталина, во время советской либерализации политических и социальных отношений — начала реабилитации жертв политических репрессий, корейцам было разрешено поступать в высшие учебные заведения, служить в армии, что также способствовало их переселению на юг Дальнего Востока. Возвращались они в основном «самотеком»¹⁰.

В 60-х — начале 70-х годов Дальний Восток по степени притяжения мигрантов к определенным районам с учетом обратных связей занимал 9-е место среди 26 регионов, выделенных специалистами на основе матрицы коэффициентов¹¹. При этом средняя дальность перемещений мигрантов с места выхода и до места их вселения составляла 3865 км¹².

Для понимания вопроса, почему в новых исторических условиях в конце XX в. Дальний Восток, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию, оказался привлекательным для переезда многих жителей из государств Центральной Азии и Закавказья, важны следующие исторические факты. В 60—70-е годы дальневосточный край был не только регионом-реципиентом, но и территорией, откуда активно выезжало русскоязычное население (особенно сельское) в города Грузинской ССР и Киргизской ССР.

* Миграционная подвижность коренных народов республик Средней Азии, Закавказья, Казахстана была в те годы самой низкой. (См.: Региональные проблемы населения и трудовые ресурсы СССР. М., 1978. С. 18).

** Сведения о посылке учителей из репатриантов в другие края и области в источниках не содержатся.

Выходцы из сельских районов Дальнего Востока играли определенную роль в формировании городского населения Центральной Азии и Закавказья, ставших в 90-е годы «новым» зарубежьем (табл. 1).

Таблица 1

Доля мигрантов из сел Дальнего Востока в формировании городского населения бывших советских республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья в 1959—1970 гг.

Союзные республики	Прирост населения республик РСФСР за счет сельского населения, %	Доля городского населения, формирующегося за счет прибывших с Дальнего Востока из сельской местности
Узбекская ССР	100	5,8
Казахская ССР	100	4,3
Грузинская ССР	100	12,1
Азербайджанская ССР	100	7,7
Киргизская ССР	100	10,2
Таджикская ССР	100	5,4
Туркменская ССР	100	5,1

Примечание: Данные взяты из кн.: Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974. С. 57—59.

Во время социально-экономического и политического кризисов и обострения национальных отношений определенная часть выходцев с Дальнего Востока, обустроившихся в указанных республиках, сохраняя историческую память о социально-культурной, экономической среде прежнего проживания, а также имея родственные и земляческие связи, определяла территориальные приоритеты при выборе нового места жительства. Значительный историко-психологический фактор обеспечил сохранение миграционных связей, но с новым «вектором» и своеобразной этнической структурой мигрантов.

Важной исторической предпосылкой складывания миграционных отношений в постсоветский период можно назвать и фактор положительного сальдо миграции, в частности, в середине 80-х годов Дальний Восток России имел положительное сальдо миграции с теми регионами советского пространства, которые мы рассматриваем. В 1986 г. на Дальний Восток приехали из республик Центральной Азии 24 250 чел., встречный поток составил 16 331 чел., из Закавказья соответственно — 7 191 чел., и — 3 660 чел.¹³ Но если рассматривать миграционные связи отдельных дальневосточных краев и областей, то можно заметить их своеобразие. Так, для Приморья до 1991 г. характер-

Таблица 2

Доля лиц коренной национальности советских республик среди переселенцев, обустроившихся в Амурской области (%) (1982—1987 гг.)

Республики	1982	1984	1986	1987
Азербайджанская	76,0	84,4	91,1	89,9
Туркменская	8,7	10,9	38,9	44,3
Узбекская	-	-	16,0	44,0

Источник: Совершенствование национальных отношений и миграция населения // Блокнот агитатора. Благовещенск, 1988. № 12. С. 18; ГААО. Ф. П-1. Оп. 68. Д. 102. Л. 1.

ны значительные показатели с советскими республиками Центральной Азии по сравнению с закавказским регионом. Например, трудовые мигранты из Киргизии (г. Фрунзе, Ошская область), Узбекистана (Бухарская область, Ташкентский горсовет) традиционно восполняли потребности в рабочей силе в Приморье. Села Амурской области активно обживали трудовые мигранты, переселенцы из Туркмении, в конце 70-х — начале 80-х годов. В начале 80-х годов в Амурскую область прибыли 1570 чел. из республик Закавказья и Средней Азии, и при этом наблюдалась тенденция роста из числа этнических переселенцев.

Значительная часть переселенцев не смогла адаптироваться и уезжала. К 1990 г. в Амурской области остались всего 687 азербайджанцев, 463 армянина, 192 казаха, 63 киргиза, 108 туркмен, 192 узбека¹⁴. Часть азербайджанцев к концу 80-х годов осела в Амурской области, Хабаровском крае и на Камчатке. Наибольшее число армян, из проживавших в 1989 г. на Дальнем Востоке, обустроились в Амурской области. Численность казахов была незначительной, и они выделены статистикой в отдельную строку по переписям 1970 г., 1979 г. и 1989 г. только на Сахалине, где их насчитывалось в 1970 г. 700 чел., в 1989 г. — 1 069. В национальной структуре населения Сахалинской области казахи составляли 0,1%¹⁵. В 1939 г. эта этническая группа в Приморье включала в себя более 2 000 чел. и составляла 0,2% от всего населения, но к 1970 г. их доля значительно снизилась.

Таким образом, 70—80-е годы стали самым заметным периодом в развитии миграционных связей между восточной окраиной России и советскими регионами Центральной Азии и Закавказья. С 1982 г. на юг Дальнего Востока увеличился поток из Узбекистана и Киргизии. Но в этнической структуре иммигрантов значительную часть представляло русскоязычное население, в том числе корейцы, затем азербайджанцы и армяне, но с большим отрывом от первой группы.

В результате развития миграционных отношений между изучаемыми регионами и адаптацией переселенцев к 1989 г. на Дальнем Востоке проживали более 12,5 тыс. азербайджанцев. В Хабаровском крае и Камчатской области в национальной структуре населения они составляли 0,3%, Амурской области — 0,6%. Узбеки обустроивались в основном в Приморском крае (0,1% от всего населения). Накануне распада СССР на Дальнем Востоке их проживало более 3 350 чел. Численность армян увеличилась главным образом за счет миграции, составив 3 тыс. чел. Мигранты-армяне стремились найти работу и источники дохода преимущественно в Амурской области.

В основе развития миграционных связей 60—80-х годов находился разнообразный спектр мотиваций. Так, в 1968—1969 гг. на юг Дальнего Востока из советских республик прибывали по следующим причинам: повидать новые места, поработать на большой стройке — 21,6%; улучшить жилищные условия — 16,1; надеялись на большую зарплату — 11% и только 8,4% — по семейным обстоятельствам¹⁶. В 80-е годы добавился еще один мотив переезда — «в связи с учебой». В эти годы зарождался и формировался тип трудового мигранта, что в постсоветский период способствовало иммиграции в южные районы дальневосточного региона.

Большая часть иммигрантов работала в производственных коллективах рыбной отрасли, в морских экипажах по перевозке грузов. В конце 80-х годов появились бригады и кооперативы по строительству, первыми организаторами стали армяне, азербайджанцы. Таджики и узбеки были первыми частными торговцами овощами и фруктами.

Население Дальнего Востока к прибытию этнических мигрантов в конце 80-х годов относилось равнодушно, а органы власти стремились выполнять функции привлечения и распространения рабочей силы. В 1991 г. Даль-

ний Восток не входил в число этнопроблемных регионов, несмотря на различный национальный приток «новоселов». Этнические иммигранты расселялись дисперсно по всей принимающей территории, но предпочитали города и промышленные поселки. На Дальнем Востоке фактически отсутствовали условия для формирования диаспорального менталитета как формы адаптации и мобилизации, а конкуренция на зарождающемся рынке труда была еще незаметной.

Однако эпоха «официального интернационализма» и единого политического, социально-экономического пространства, которые составляли базовые условия адаптации мигрантов, прервалась из-за распада Союза, что институционально было оформлено политическими лидерами в декабре 1991 г. Последовавшие за ним стремительные дезинтеграционные процессы, тенденция нарушения родственных связей, разделение населения бывшего СССР гражданством, правовыми, валютными барьерами не дали ему необходимого времени для осознания новой ситуации и возможности выбора страны проживания.

Изменения в переходный период, ухудшение уровня жизни в государствах «нового» зарубежья* рассматриваемого региона¹⁷ вынуждали граждан уезжать на поиски заработков. Так расширялся формировавшийся в 80-е годы поток трудовых иммигрантов. Социальное расслоение в бывших советских республиках стало мощным катализатором процесса этнической самоидентификации и одной из причин национальных конфликтов**.

Основываясь на многочисленных материалах предшественников и результатах социологических опросов, проведенных Центром изучения социальной истории и политики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН***, можно сформулировать главный исходный тезис анализа причин экономических процессов конца XX в. на постсоветском пространстве. В основу построения почти всех новых независимых государств в той или иной мере положен этнический принцип, многие из них начали осуществлять политику, направленную на приоритетное развитие титульной нации.

В 1994 г. на национальной почве произошли конфликты в Азербайджане, Армении, Грузии, Таджикистане. Большинство нетитульного населения, основную часть которого составляли русские, оказалось в ситуации этнокультурного и этносоциального дискомфорта. Причины миграционного оттока из Закавказья и Центральной Азии стали предметом многочисленных исследований. По результатам наших социологических опросов (2000 и 2001 гг.), прежнее местожительство «по причине не всегда благожелательных отношений с местным населением» покинули 35—41% респондентов (в зависимости от места и года выхода). Это максимальный показатель по всему массиву причин, отмеченных респондентами.

Безусловно, географический фактор — отдаленность региона от стран «нового» зарубежья — оказал значительное влияние на масштабы миграционного потока на окраинную территорию России, расположенную вблизи с другим зарубежьем. Однако исторические предпосылки, некоторая инерционность прежних миграционных связей способствовали тому, что Дальний

* Среднемесячная зарплата в «новом зарубежье» в 1999 г. (в пересчете на доллары США по официальному курсу): Азербайджан — 43,3; Армения — 37; Грузия — 31,2; Казахстан — 90; Киргизия — 26; Таджикистан — 9; Узбекистан — 59; Россия — 64.

** Автор не ставит своей задачей рассмотрение всех факторов роста национальных конфликтов, признавая их сложность, многоуровневость и плюрализм методологических подходов к данной проблеме.

*** «Мигрант 2000», «Мигрант-2001». Руководитель проекта А.С. Вашук.

Восток не совсем утратил роль принимающей территории, но это уже был модифицированный вариант.

На формирование новой модели миграционных связей оказали воздействие и социальные факторы. Крайне сократился ресурс привлекательности Дальнего Востока, увеличился отток русских, украинцев, в основном с высшим образованием. В целом на всем постсоветском пространстве изменялась общая география миграционных связей, трансформировалась роль стран Центральной Азии и Закавказья в миграционных процессах. Все это сопровождалось изменениями и в системе ценностей граждан. Для одних на первый план выходила цель найти постоянную работу, следовательно, регулярный источник доходов, для других организовать свой бизнес в рыночных условиях, для третьих — обеспечить себе и детям спокойную жизнь с точки зрения приемлемых национальных отношений и т. д. Такому разнообразию жизненных приоритетов соответствовала определенная модель миграционной подвижности с учетом выбора нового места жительства.

Эту модель концептуально можно определить как переходную, ибо причины выбора юга Дальнего Востока в качестве нового места жительства определялись мотивами, которые в своей основе имели исторические корни. Так, 41—42% респондентов выбрали Приморский край, потому что имели здесь родственников. Процент респондентов, отметивших, что их выбор пал на Приморье из-за приемлемых национальных отношений, колебался в интервале 17—27% (в зависимости от места и года выхода). Большая часть респондентов приехала в край в поисках заработка (хотя на Дальнем Востоке в 1992—1998 гг. наблюдалась тенденция роста безработицы, причем в 1992—1994 гг. преобладала скрытая безработица¹⁸). Все это свидетельствует, что социально-психологическая мотивация места выбора нового жительства во многом определялась тем имиджем Дальнего Востока, который сложился еще в советский период, а также по причине историко-демографического фактора (наличие в регионе родственников).

По абсолютным показателям поток мигрантов на Дальний Восток из стран «нового» зарубежья Центральной Азии и Закавказья в 90-е годы имел тенденцию к снижению. Однако доля этих стран в общей численности всех прибывших из стран СНГ и Балтии возросла. По сравнению с 1986 г. в 1998 г. доля мигрантов из стран Центральной Азии возросла с 21 до 34,9% (табл. 3), из Закавказья соответственно с 6,2 до 8,8%. В 1998—2000 гг. доля выходцев из указанных регионов оставалась стабильной. Но среди государств этих двух больших регионов «нового зарубежья» происходило некоторое перераспределение роли в миграционных связях с Дальним Востоком. Например, доля Грузии значительно упала, но увеличилась доля Азербайджана и Армении. Из стран Центральной Азии стабильно лидировал Казахстан в миграционном притоке, увеличилась доля Узбекистана, но очень заметно сократился миграционный обмен юга Дальнего Востока с Киргизией и Туркменией (табл. 3). Другой отличительной чертой изучаемого явления было сохранение положительного сальдо миграции, за исключением Киргизии*, на фоне общего отрицательного сальдо, особенно с традиционным донором для Дальнего Востока — Украиной.

В 1998—2000 гг. в общем миграционном движении в дальневосточный регион, хотя и незначительном по своему масштабу в сравнении с другими российскими регионами, увеличилась доля трудовых мигрантов, что ярко проявилось на примере роста иммигрантов из числа азербайджанцев. Кроме того, увеличение численности азербайджанцев происходило и за счет меж-

* Вопрос специфики миграционных связей Дальнего Востока с Киргизией требует дополнительного изучения.

Миграционный обмен российского Дальнего Востока со странами Закавказья и Центральной Азии
(1986—2000 гг.) (чел.)

Страны	Прибыло на Дальний Восток										Сальдо миграции				
	1986		1996		1997		1998		2000		1986	1996	1997	1998	2000
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	Число	Число	Число	Число
Страны Центральной Азии в том числе:	24250	21*	7661	28*	6241	31,7*	5390	34,9*	3899	32,8*	7919	4076	3556	3198	2704
Казахстан	12868	53**	4015	52,4	3588	57,4	2914	54,9	1953	50,0	4619	1927	2249	1711	830
Киргизия (Кыргызстан)	3335	13,7**	780	10,2	591	9,0	511	9,5	487	12,4	825	18	-124	-104	116
Таджикистан	1794	7,4**	714	9,3	572	9,2	562	10,4	336	8,6	517	586	442	493	925
Туркмения (Туркменистан)	1198	4,9**	371	4,8	235	3,7	131	2,4	103	2,6	496	324	177	94	73
Узбекистан	5055	20,8**	1781	23,2	1255	20,1	1272	23,5	1020	26,1	1462	1221	812	1004	760
Страны Закавказья в том числе:	7191	6,2*	2170	8,0*	1549	7,8*	1365	8,8*	1016	8,5	3531	1579	1062	1009	614
Азербайджан	3891	54,0**	1119	51,6	842	54,3	784	57,4	525***	51,6	2223	803	549	556	293
Армения	1350	18,7***	571	26,3	456	29,4	396	29,0	359	35,3	612	451	354	330	276
Грузия	1950	27,1***	480	22,1	251	16,2	185	13,5	132	12,9	696	325	159	123	45

Таблица составлена на основе: Дальневосточный район и Читинская область на рубеже третьего тысячелетия. Стат. сб. Владивосток, 1999. С. 205; Д. Вишневецкий, Е. Мотрич. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России (70—80-е годы) // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 10; Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 2000. С. 328, 334.

Примечания:

1. Без мигрантов, не указавших территорию выхода.
2. * в процентах ко всем прибывшим из стран Балтии и СНГ.
3. ** в процентах к прибывшим из стран Центральной Азии нового зарубежья.
4. *** в процентах к прибывшим из стран Закавказья.

регионального переселения по России, из центральных городов. Этническая иммиграция азербайджанцев на Дальний Восток в конце 90-х годов завершилась формированием диаспорной группы с ярко выраженным диаспоральным менталитетом¹⁹.

Если рассматривать приток переселенцев в дальневосточный район из стран Закавказья и Центральной Азии в сравнении с другими регионами России, то он был наименьшим, до восточных окраин России доходил незначительный «ручеек» таких переселенцев. Трудовая миграция, пришедшая в основном на юг Дальнего Востока, имела довольно сложный социально-профессиональный состав. Однако независимо от него трудовые мигранты чаще всего пополняли ряды предпринимателей в сфере торговли. В 90-е годы торговля становится экономической специализацией многих мигрантов из «нового» зарубежья независимо от этнической принадлежности. Это характерно для выходцев с Закавказья²⁰. Рыночная специализация мигрантов из рассматриваемых регионов предопределила их большую готовность к использованию возможностей, которые открыли радикально-либеральные реформы. Но за их плечами также опыт частного предпринимательства 80-х годов, отлаженные связи с «нужными» людьми в дальневосточных городах, развитая общинная инфраструктура (азербайджанцы, армяне), а это значит — кооперация, обмен информацией, кредит и т. д. Следует отметить, что в 90-е годы произошла адаптация значительной части переселенцев: 62% респондентов (по данным опроса 2000 г.) ответили, что они не хотят уезжать с теперешнего места жительства.

Юг Дальнего Востока в 90-е годы стал принимать и другие группы мигрантов — вынужденных переселенцев и беженцев, которые прибыли в 1992—1998 гг., хотя их был всего 1% от вынужденных мигрантов, прибывших в Россию. С учетом тяжелых последствий социально-экономических реформ Дальний Восток выполнил важную политическую и социально-экономическую функцию. Основной территорией исхода вынужденных мигрантов, переселившихся на Дальний Восток, в частности в Приморье, стала Центральная Азия: 28,3% из Казахстана, 19,7% — из Таджикистана, 16,7% — из Узбекистана, 10,7% — из Кыргызстана.

В 1996—1998 гг. численность вынужденных мигрантов из Казахстана в Приморье оставалась стабильной, несмотря на огромное расстояние для переезда. В 1998 г. доля «этнических мотивов» отъезда из Казахстана сохранялась на уровне 1994 г., несколько уменьшилась в Узбекистане, но при этом численность приехавших в край имела тенденцию к увеличению. Можно предположить, что произошел рост вынужденных мигрантов, ориентированных на обустройство в Приморье. Несколько уменьшились «этнические мотивы» отъезда из Узбекистана и Кыргызстана, хотя этносоциальные трудности для проживания нетитульных наций сохранялись²¹. Южная часть Дальнего Востока стала новым местом жительства для тех, кто по мере нарастания межэтнического отчуждения в Средней Азии выбирал регион со сложными социально-экономическими условиями, но спокойным в сфере национальных отношений*.

Результаты исследований Г. Витковской²² подтверждаются статистическими данными, раскрывающими динамику численности вынужденных мигрантов, прибывавших в Приморье в 1993—1999 гг. (табл.4).

* По данным Г. Витковской, в 1994 г. отсутствие перспектив и опасение за будущее детей в качестве основных причин возможного выезда назвали 37% потенциальных эмигрантов в Казахстане (35% среди русских), 41% в Узбекистане (41%) и 43% в Кыргызстане (39%). В 1997—1998 гг. соответствующий показатель для русских в Узбекистане и Киргизии сохранялся практически на том же уровне, но в Казахстане значительно повысился.

**Численность беженцев и вынужденных переселенцев в Приморском крае
из стран Центральной Азии и Закавказья (на начало года, чел.)**

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Всего чел. из государств «нового» зарубежья (СНГ и Балтии)	530	1512	2825	3303	3440	3518	4258	3724	2777	2343
Из них ранее проживали на рассматриваемой территории (%)	84,2*	87,6	90,1	88,2	88,7	90	88,9	67,5	83,5	87,2
Азербайджан	53	129	166	181	163	158	161	133	83	40
Армения	-	33	50	50	30	27	27	-	-	-
Грузия	42	140	197	207	215	205	207	153	62	47
Казахстан	-	11	288	450	633	727	974	282	844	808
Кыргызстан	-	92	370	415	449	452	440	345	273	224
Таджикистан	441	1030	1288	1368	1228	1159	1169	844	397	278
Туркменистан	-	-	6	6	25	37	39	49	44	37
Узбекистан	-	47	430	623	697	729	767	709	615	608

* от всех беженцев и вынужденных переселенцев.

Источник: Приморский краевой комитет государственной статистики: О демографической ситуации в Приморском крае.

Отличительной чертой вынужденных мигрантов из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, а также Киргизии в 1992—1998 гг. являлся их своеобразный этнический состав: преобладание значительной доли русских и корейцев. Пик вынужденной этномиграции в Приморье пришелся на 1994 г. В последующие годы наблюдалась устойчивая тенденция снижения прибытия вынужденных переселенцев и беженцев. С 1992 г. по 2000 г. наибольшее число вынужденных мигрантов прибыли из Казахстана — 1 041 чел., Таджикистана — 844, Узбекистана — 763, Кыргызстана — 345, чел.²³

Таким образом, доля вынужденных иммигрантов из стран Центральной Азии и Закавказья в Приморье в течение десятилетия оставалась стабильной, абсолютная численность сокращалась как за счет снижения притока, так и в результате снятия статуса «вынужденного переселенца» и по истечении пяти лет по законодательству. Доля русских среди вынужденных мигрантов, обустроившихся в крае в 1992—2000 гг., колебалась в интервале 60—70%; корейцев соответственно — 10—16%; таджиков и узбеков — по 1%; украинцев — 5—5,3%; татар — 3,9; чеченцев — 2—2,2%; армян — 2,1%; азербайджанцев — 1,5%, немцев — 0,5%.

В конце XX в. население юга Дальнего Востока пополнялось за счет мигрантов из «нового» зарубежья с различным организационно-правовым статусом. При выборе географии места жительства большую роль сыграл социально-исторический фактор: наличие родственников или земляков, оставшихся жить с советских времен. При всей специфике (значительный отток русскоязычного населения не только в западные регионы России, но и в страны «традиционного» зарубежья) юг Дальнего Востока не совсем утратил значение переселенческого края, хотя по сравнению с 1960—1970-ми годами об этом можно говорить как об остаточном явлении.

Делая резюме, следует подчеркнуть, что предметом анализа в 90-е годы в большей степени был еще не сложившийся процесс, крайне динамичный

и противоречивый. Безусловно, миграционные связи Дальнего Востока с «новым» зарубежьем не слишком отличались от общероссийских. Специфика выразилась в том, что эти связи развивались на фоне относительно стабильной степени толерантности дальневосточного населения по сравнению с другими регионами России, что во многом связано со всей историей его формирования.

¹ Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 14 июля 1994 г. № 22 «Об этническом аспекте освещения в средствах массовой информации причин преступности» // Российская газета. 1994. 23 июля.

² Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства, фактор стабильности или конфликта. М., 2000.

³ Рубан Л.С. Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия (региональный аспект): Социологические исследования. М., 1995. № 4. С. 97—103; Синкевич З.В. Расколотое сознание (этносоциологические очерки). СПб., 1996. С. 75—85.

⁴ Социальная и культурная дистанция (опыт многонациональной России). М., 2000; Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии, разрешения. М., 1992. Вып. 2. Ч. 1. и др.

⁵ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 22.

⁶ Азербайджан М.А. (Ахмедов). Миграция азербайджанцев на Дальний Восток России и проблемы их адаптации // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 190.

⁷ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 102—103.

⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 92. Д. 120. Л. 41—54.

⁹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 75. Л. 247.

¹⁰ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 108.

¹¹ Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974. С. 76.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Вишневецкий Д., Мотрич Е. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России (80—90-е годы) // Перспективы дальневосточного региона: Население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 10.

¹⁴ Основные показатели демографических процессов в Амурской области за 1997 г.; Стат. сб. Амурский областной комитет государственной статистики. Благовещенск, 1998. С. 87.

¹⁵ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 145—150.

¹⁶ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 128.

¹⁷ Надиров А., Алесперов А. Социально-экономические сдвиги в ходе экономических реформ в Азербайджане // Общество и экономика. 2000. № 5—6. С. 7—36; Расулов А., Бедренцев А. Узбекская модель рыночных реформ и макроэкономическая стратегия // Общество и экономика. 2000. № 5—6. С. 89—114 и др.; Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999; Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М., 1999.

¹⁸ Ващук А.С. Социальная политика на Дальнем Востоке России (середина 40-х — 90-е годы XX в.). Владивосток, 1999. С. 71—77.

¹⁹ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 186—189.

²⁰ Там же. С. 217.

²¹ Витковская Г.С. Вынужденная миграция в России: Итоги десятилетия // Миграционная ситуация в странах СНГ... С. 164.

²² Там же. С. 164.

²³ Текущий архив Территориального органа Минфедерации РФ в Приморском крае. Аналитический отчет за 2000 г.

SUMMARY: «Migration Ties of the Far East of Russia with Post-Soviet States of Central Asia and Transcaucasus in the 90-s of the 20th Century» is the title of the article written by Doctor of Historical Sciences Angelina S. Vashchuk. The author touches not only on the events of the last decade of the 20th century, but tells about migration streams of the Soviet period. The article illuminates the reasons of migration, determines its specialty, represents modern picture of moving refugees and forced migrants.